

Хозяйка дома в Брюсовом переулке

— Мария Алексеевна, вам тогда было 15 лет, как и чем вы могли помочь?

— Зинаиды Николаевны не стало, и мы с мамой начали носить передачи деду в тюрьму. Рано утром я занимала очередь в справочной НКВД на Кузнецком мосту. Часам к 10 приезжала мама. Она добиралась из Лопасни, где работала директором совхоза. Передачи принимали раз в десять дней. Разрешали передавать в месяц только определенную сумму денег. Мы эту сумму делили на три части и каждую декаду приходили. Таким образом, мы узнавали, где он в данный момент находится. На Лубянке он был до ноября 1939 года, а в ноябре нам сообщили, что его перевели в Бутырскую тюрьму. В последние дни дед лежал в больнице. Его на допросах очень сильно били. Видимо, на их "суд" его привезли из больницы. Об этом я узнала много лет спустя, когда добралась до его дела. Там я нашла справки из больницы. И, конечно же, из письма деда В.Мологову, в котором он сам написал, как его истязали.

Когда дед был в Бутырке, мама ходила к известному адвокату Брауде с просьбой взять защиту. Брауде сказал, что с удовольствием взялся бы за это дело, но накануне у него была жена арестованного М.Кольцова, вела с ним переговоры, а потом сообщила, что дело передано в Военную коллегию и что в просьбе об адвокате отказано.

Через некоторое время в Бутырке у мамы передачу не приняли, сказали, что Мейерхольд переведен в Лефортово. В Лефортово его тоже не оказалось. В справочной Военной коллегии мы получили устный ответ, что он осужден на десять лет без права переписки. Теперь мы знаем, что означает эта формулировка. Тогда мы этого не знали.

Два года спустя в лагерь попала мама. Одним из пунктов обвинения было "восхваление отца — врага народа". Однажды к маме в комнату зашел начальник политотдела совхоза. На стене висела открытка, на которой был изображен Всеволод Эмильевич. Мама показала на нее и сказала: "Красивый у меня отец, правда?" Ее исключили из партии, сняли с работы и арестовали.

— Всеволод Эмильевич 11 лет жил в квартире в Брюсовом переулке. По существу, это единственный адрес в Москве, непосредственно связанный с его именем. Дом на Новинском бульваре, где он жил раньше, разрушен во время войны, здание театра перестроено. Как вам через 53 года удалось вернуть квартиру для создания Мемориального музея?

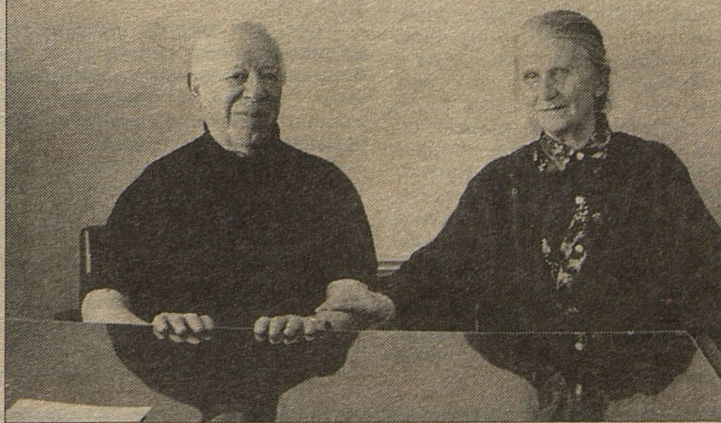
— Сразу после похорон Зинаиды Николаевны ее детям Тане и Косте Есениным предложено было в 48 часов освободить квартиру. Всеволод Эмильевич еще не был осужден в тот момент, он находился под следствием. Квартира принадлежала кооперативному дому работников искусств. Дети еще не успели выехать, а уже ордер на квартиру — на одну ее часть (кабинет и столовая) получила молодая женщина из аппарата Берия, вторую часть — шофер Берия.

После реабилитации Всеволода Эмильевича в 1955 году нам удалось создать комиссию по творческому наследию. Сначала я ходила, рыдая, от одного начальника к другому и выторговывала буквально каждого человека для этой комиссии. Ведь было важно, чтобы членами ее были люди, причастные и равнодушные к судьбе и творчеству Мейерхольда. Часто в бесконечных походах из одного кабинета в другой я вспоминала строчки Н.Некрасова: "Вот парадный подъезд..." В конечном итоге комиссия была создана и ее первым председателем стал Павел Александрович Марков. Сейчас комиссию возглавляет режиссер

Две даты в биографии Всеволода Эмильевича Мейерхольда оказались неожиданно рядом: дата гибели — 2 февраля и дата рождения 10 февраля. Долгие годы даже его самые близкие родственники не знали день и год расстрела. Только в 1955 году внучка мастера Мария Алексеевна Валентей впервые услышала от военного прокурора Б.Ряжского, занимающегося реабилитацией В.Мейерхольда, точную дату смерти. Именно ей удалось добраться до секретных архивов, раскрывающих правду гибели ее великого деда. В 1946 году она написала письмо на имя Сталина, в котором просила сообщить о судьбе Мейерхольда. Ее вызвали на Лубянку и направили в ЗАГС Свердловского района, где выдали свидетельство о смерти. Через некоторое время она поняла, что оно ложное. Почти два десятилетия имя, расстрелянного в 1940 году, великого режиссера замалчивалось. И шаг за шагом его внучка возвращала нашей культуре и его имя, и его творческое наследие. В середине 50-х годов она собрала более 70 писем крупнейших деятелей советского искусства для реабилитации Всеволода Мейерхольда. Это были письма Б.Пастернака, Д.Шостаковича, И.Эренбурга, Кукрыниксов, Н.Эрдмана, И.Ильинского, М.Бабановой, С.Юткевича. Мария Алексеевна не только является многолетним секретарем комиссии по творческому наследию, она, по существу, организатор и создатель ее.

Бабушкой Марии Алексеевны была первая жена В.Мейерхольда Ольга Михайловна Мунт, ее мамой — средняя их дочь Татьяна. Шестилетней девочкой попала она в дом своего деда. На всю жизнь полюбила эту красивую, уютную квартиру в Брюсовском переулке, ее хозяина и хозяйку Зинаиду Николаевну Райх. Помнит Мария Алексеевна новогодние елки в доме. Их устраивала Зинаида Николаевна, а Всеволод Эмильевич придумывал игры, шарады, фокусы. Помнит, как он достал им с двоюродной сестрой Ниной контрамарку в Большой театр. Там ждали богато одетых внушек прославленного режиссера, а пришли две девушки в простых, байковых платьях. Помнит спектакли деда того периода. "Лес" А.Островского — от начала до конца.

Всеволода Эмильевича арестовали в Ленинграде. Не сразу об этом узнала Мария Алексеевна, от нее скрывали. А когда ей рассказали, сразу побежала к Зинаиде Николаевне. Последний раз она видела Райх за два дня до ее гибели. Зинаида Николаевна была растеряна, винила себя за то, что написала письмо Сталину. А потом сказала: "Твой дедушка ни в чем не виноват, ты должна ему помочь".

Валерий Фокин.

Мне кажется, если взять все наши заявления и собранные мною письма с просьбой вернуть квартиру и создать мемориальный музей В.Э.Мейерхольда, то ими вполне можно выложить мостовую от Брюсового переулка до Кремля. Последнее письмо подписал композитор Т.Хренников. Оно было напечатано на его депутатском бланке. С этим заветным документом я пришла в кабинет Председателя СГД М.Ульянова, где заседала наша комиссия. Им удалось по вертушке соединиться с заместителем Крючкова и объяснить ситуацию. Только после этого звонка и письма Хренникова последовала резолюция Крючкова — отселить бывшую работницу НКВД и предоставить ей квартиру из фондов КГБ. Эта "мадам" еще год выбирала. Наконец, в 1992 году квартиру отдали для создания музея. Вторую часть квартиры уже не занимал шофер Берия, в ней жила бывшая актриса Ярославского театра М.Нечаева. Я подружилась с Марией Мартыновной. Она, конечно, знала и понимала, кто такой Мейерхольд. Мария Мартыновна фактически отдала музею имени А.Бахрушина эту часть квартиры. Я ухаживала за ней до самой ее смерти. Бахрушинский музей ее похоронил.

— Мария Алексеевна, вы — секретарь комиссии по творческому наследию — "хозяйка" музея в Брюсовом переулке, вы участвуете в выпуске многих изданий, связанных с творчеством Мейерхольда, а кто же занимался домашними делами?

— Я занималась. Я и работала: учительницей начальных классов, затем закончила заочно педагогический институт имени В.Ленина и много лет работала преподавателем русского языка и литературы.

У меня был замечательный муж — профессор Московского Университета Дмитрий Валентей. Он занимался демографией, был заведующим кафедрой. Иногда он шутил говорил: "Плохо быть мужем внучки". Но именно Дима являлся основным спонсором музея. Когда я отдала свою библиотеку, он сказал: "Ты правильно сделала". Я передала все вещи, связанные с Мейерхольдом, музею. Он это только приветствовал. У Димы трагически погиб отец: он был поляк, его арестовали в 1937 году. 21 день просидел в Бутырской тюрьме и по списку, без суда его расстреляли. Отец был летчиком-испытателем, награжден до революции тремя Георгиевскими крестами.

— Следующий год — 1999-й — юбилейный, исполняется 125 лет со дня рождения В.Э.Мейерхольда. Каким вы хотели бы видеть музей в эти дни?

— Хотела бы сделать вместе с музеем имени А.Бахрушина выставку, посвященную этой дате. Мне кажется, что в этой квартире должна быть постоянная небольшая экспозиция. Чаще надо создавать тематические выставки. Мы частично восстановили кабинет Всеволода Эмильевича и продолжаем поиски подлинных вещей. Мне хотелось бы сохранить "желтую" комнату как гостиную. У деда в этой комнате всегда собиралось много народа. Здесь бывали Андрей Белый и Сергей Эйзенштейн, Борис Пастернак и Юрий Олеся, Владимир Маяковский и Сергей Прокофьев, Николай Эрдман и Дмитрий Шостакович, Николай Вавилов и Гордон Крэг. Список можно продолжать и продолжать. Было бы хорошо, если бы и сегодня здесь происходили встречи, лекции, творческие вечера. Музей должен быть живой.

Беседовала Евгения ПОЛТАВСКАЯ

● М. Валентей, В. Плучек

Экран 21 сев-но. - 1998 -
МВ. - 9266 (14)
- с 11.